

Услышав это, Ян Е и Бэйчэнь Цин изменились в лице. Переглянувшись, младший нахмурился:

— С чего бы? Чушь собачья! Я лично вырезал и пленил всю твою стражу, ты просто пытаешься нас запугать! Где ты его спрятал? Живо отдавай! Если сейчас же не заговоришь, я... я тебя...

«И что я тебе сделаю?» — мысленно осекся он, с трудом проглотив рвавшиеся наружу слова, и лишь яростно уставился на Лин Шу.

Лин Шу прикрыл глаза, не устаивая его ответом. Лишь спустя долгое время сквозь плотно сжатые зубы он глухо процедил:

— Мятежные твари... Небо покарает вас обоих.

Ян Е вспыхнул от ярости. Он резко вскочил, собираясь наброситься на пленника. Бэйчэнь Цин попытался его перехватить, но юноша бесцеремонно оттолкнул его, рванул к железной решетке и, схватив Лин Шу за грудки, рывком вздернул с холодного пола.

— Кого ты там тварью назвал?! — взревел он. — Сам ты предательская шкура! Лин Шу, сукин ты сын, подохнуть торопишься? Или у тебя шкура чешется? Думаешь, раз я пристрастился к твоему телу, так ты можешь измываться надо мной, пока я снова тебя не оттрахаю?! Живо говори, где книга!

Он принялся неистово трясти Лин Шу. Тот, обессиленный, безвольно мотался в его руках, не в силах сопротивляться, но при звуках этих унижительных, ранящих в самое сердце слов его тело содрогнулось. Пленник с трудом приподнял голову и хрипло, едва слышно выдавил:

— Книга... уже в столице. Верь или нет — дело твое. Но тебе, мятежнику... недолго осталось праздновать победу!

Взбешенный его упрямством, юноша вlepил ему две звонкие затрешины. Видя, что дело принимает скверный оборот, Бэйчэнь Цин поспешил вмешаться и силой оттащил своего подопечного назад.

— Допрашивай спокойно, к чему эти вспышки гнева? — увещевал он.

Но Ян Е упорно вырывался, стремясь добраться до пленника. В этот момент в темницу вошел Ма Тяньбао, держа в руках то самое нефритовое одеяние с золотыми нитями.

— Сяо Лан, поутихни, — поспешно переменял тему Бэйчэнь Цин, забирая у вошедшего ношу.
— Гляди, принесли нефритовое одеяние с золотыми нитями.

Ян Е мельком глянул на принесенное сокровище. В памяти мгновенно ожили воспоминания о Небесной тюрьме Верховного суда, где Лин Шу приказал затянуть его в точно такое же одеяние с золотыми нитями. Юноша невольно вздрогнул, вспомнив ту дикую, невыносимую, хуже самой смерти боль. Его взгляд медленно переместился на Лин Шу. Пленник лежал со спутанными волосами, едва дыша. Если заставить его примерить этот наряд сейчас, он просто не выживет.

Сжав зубы, Ян Е заговорил тише, весомо роняя каждое слово:

— Лин Шу, ты ведь не отправлял книгу в Лоян, верно? Ты ее спрятал. Отдай ее мне, и я сохраню тебе жизнь. Пришлю лекарей, тебя вылечат. Но если продолжишь упрямиться, клянусь, я велю закатать тебя в это нефритовое одеяние с золотыми нитями. Ты... слышишь меня?

Прошло несколько тягостных секунд, прежде чем Лин Шу сквозь силу выдавил ответ:

— Слышу... Книгу действительно... забрали. А нефритовое одеяние с золотыми нитями... надевай.

Этого Ян Е вытерпеть не мог. Кулаки его затряслись от бессильной ярости:

— Ах ты тварь упрямая! Вечно тебе нужно выставить меня дураком! Надевать?! Да пошел ты... вместе со всей своей мамашей! Ты... да ты...

С силой швырнув Лин Шу на железные прутья решетки, он наотмашь пнул его сапогом раз, другой, третий:

— Сдохнуть мечтаешь?! Погибели ищешь?! Ну так я помогу тебе, тварь безмозглая, прямо здесь и затопчу!

Лин Шу даже не пытался закрыться или отползти — он лишь безмолвно сжался в клубок под градом ударов. Бэйчэнь Цин, увлеченный осмотром нефритового одеяния с золотыми нитями, резко обернулся и прикрикнул:

— Сяо Лан, стой! Не смей двигаться!

Он бросился вперед и крепко перехватил юношу за плечи. Тот тяжело, прерывисто дышал.

— Что еще? — недовольно огрызнулся Ян Е. — Почему ты вечно лезешь под руку? Как только я решаю проучить этого ублюдка, ты тут как тут!

— Дело не в нем, — мягко пояснил Бэйчэнь Цин. — У тебя на спине рана открылась. Не смей

больше горячиться.

Верхняя половина тела Ян Е была туго замотана бинтами, поверх которых он набросил широкий халат, но сейчас темный шелк ткани быстро наливался багровой влагой. С опозданием ощутив резкую, жгучую боль, юноша покачнулся и ухватился за протянутую руку мужчины.

— Раз молчит — шут с ним, уйдем, — продолжал уговаривать его Бэйчэнь Цин. — А с одеянием как быть? Прикажешь натянуть на него?

Ян Е хмуро уставился на наспех сшитое нефритовое одеяние с золотыми нитями, не говоря ни слова. Поняв его нерешительность, Бэйчэнь Цин мягко улыбнулся:

— Да я ведь велел изготовить его шутки ради. Куда этой поделке до того искусного одеяния с золотыми нитями, что было у господина Лин? Настоящий мастер лишь посмеется над нашей топорной работой. К тому же... если пленник не солгал, наше нынешнее положение уже не исправить никакой пыткой. Как думаешь, Сяо Лан?

Прикусив губу, Ян Е глухо бросил:

— Уходим. Мне больше не о чем с ним говорить.

Мужчина осторожно повел его к выходу, но у самых дверей юноша не удержался и оглянулся. Лин Шу так и остался лежать у подножия решетки — бледный как смерть, с полуприкрытыми веками. Сердце Ян Е тоскливо сжалось. В этот миг перед глазами промелькнула та ночь, когда он сжимал бесчувственное тело Лин Шу в объятиях. Тот не понимал, что происходит, но казался таким податливым, покорным, нежным... Пусть то была лишь иллюзия, теперь Лин Шу безжалостно растоптал ее своими руками, не оставив даже хрупкой надежды.

Ян Е резко отвернулся:

— Живее, идем к брату!

Когда они вошли в шатер князя Чжао, Ян Си как раз разбирал донесения в окружении нескольких телохранителей.

— Все вон, — скомандовал Ян Е.

Стражники безмолвно удалились. Ян Си, недовольно нахмурившись, поднялся из-за стола:

— Опять беленеешь? Тебе лежать положено, а ты колобродишь. Ну-ка, покажи рану.

— Да в порядке всё с раной, нечего там смотреть, — отмахнулся Ян Е. — Брат, я пришел задать тебе один вопрос. Ты хочешь стать императором?

Ян Си остолбенел от такой дерзости, а затем его лицо гневно потемнело:

— Что за вздор ты несешь?!

Бэйчэнь Цин похолодел от страха, ожидая бури, но Ян Е ничуть не испугался гнева старшего брата — он лишь подошел вплотную и упрямо привалился к его плечу. Ян Си вздохнул и обнял его, качая головой:

— Малолетний дуралей... Сколько тебе лет, а все болтаешь без умолку. Чтобы я больше не слышал этой крамолы!

— Какая же это крамола? Нас прижали к стене, и теперь хочешь ты того или нет, выбирать не придется. Нужно решать сейчас же!

Ян Е без утайки выложил все, что узнал. Хотя князь Чжао уже слышал суть от Бэйчэнь Цина, он молча и терпеливо выслушал брата до конца, не выдав своих чувств ни единым движением мускула на лице.

— Пойми, — горячился юноша, — императорские войска могут выступить против нас в любой день. Если не поднимем мятеж, нас просто вырежут как скот на бойне! Брат, скажи наконец, что ты задумал?

Ян Си долго и пристально смотрел на него, а затем неожиданно усмехнулся. Лицо его, от природы довольно заурядное и строгое, в этот миг словно преобразилось, осветившись мягкой, благородной теплотой.

— Чему ты улыбаешься? — вспыхнул Ян Е. — Да или нет? Ответь прямо!

— Пойдемте-ка пройдемся, — спокойно ответил Ян Си. — Рана твоя еще не затянулась, так что я понесу тебя на спине.

— Негоже вашему высочеству утруждаться, я сам понесу его, — поспешно вмешался Бэйчэнь Цин.

Они втроем покинули лагерь и поднялись на вершину пологого холма. В вышине лениво плыли редкие облака, огибаемые клиньями диких гусей. Куда ни кинь взор, до самого горизонта простиралась унылая, дикая равнина.

Ян Си опустил на пожухлую траву, поджав под себя ноги. Ян Е тут же устроился рядом, прильнув к его плечу, а Бэйчэнь Цин присел позади, на расстоянии почтительного шага.

— Сяо Лан, — негромко заговорил князь Чжао, — всё это дело запутано куда сильнее, чем кажется на первый взгляд. За действиями господина Лин стоит воля самого императора. Мой венценосный брат страшится меня сильнее, чем набегов государства Сицзя, и это началось далеко не вчера. Догадываюсь ли я о причинах? Пожалуй, да, хотя могу и ошибаться.

Помню, в детстве покойный отец благоволил одному чиновнику по имени Жэнь Гуань. Тот занимал должность советника в департаменте охоты и лесов, но вел себя словно вольный журавль — вечно пропадал в лесах и горах, а в столице почти не показывался. Одевался он в какое-то рванье, но мне всегда казалось, будто он скрывает свою истинную суть мудреца, оттого я и ходил за ним хвостом. Юньци, помнишь? Как раз тогда ты загорелся обучением воинскому искусству. И меня вдруг осенило: раз этот Жэнь Гуань обшарил все чащобы, у него наверняка найдутся связи среди скрытных мастеров цзянху. Вот я и пришел к нему с просьбой подыскать тебе учителя. Старик знатно расхохотался, признался, что в боевых искусствах смыслит мало, а по горам шныряет из праздного любопытства. Однако, видя мою настойчивость, он все же достал потрепанный трактат с приемами сабли и велел разбираться самим. Уж не знаю, где он его раздобыл, но изложено там было все настолько просто и толково, что мы без труда освоили каждую стойку. Но самое главное крылось в другом — поговаривали, будто Жэнь Гуань умел читать человеческие судьбы по лицам. Однажды он сказал отцу, глядя на меня: «Этот отрок рожден стать опорой престола, но расцвет его сил наступит поздно». Я тогда про себя усмехнулся: «Ну и хитрый же ты лис, старик! Мы ведь все сыновья императора, каждому суждено получить титул великого князя. Кто из нас не опора престола?»

— Ну, тут ты не прав, — вставил Ян Е. — Взять хотя бы Ян Ле. Какая из него опора? Только и умеет, что пропивать казну да волочиться за юбками в столичных притонах, похлеще моего будет.

Тот лишь добродушно улыбнулся и легонько щелкнул младшего по лбу:

— Надо же, понимаешь, что ведешь себя непотребно? По крайней мере, совесть у тебя есть. В ту пору я решил, что старик просто льстил отцу, но слова его все равно грели мне душу. Беда пришла откуда не ждали: кто-то донес о пророчестве императрице и моему старшему брату, тогда еще наследнику престола. С тех пор всё пошло наперекосяк. Сам Жэнь Гуань преспокойно убрался прочь из столицы, продолжив свои странствия, а вот наша жизнь превратилась в сущий кошмар. Матушка сразу почуяла неладное и твердила мне без умолку: «А-Си, держись в тени, не высывайся». Я и сам из кожи вон лез, лишь бы не привлечь внимания и не навлекать беду. Помню, как мы учились в императорском кабинете. Стоило мне хоть раз увлечься и ответить на вопрос наставника быстрее наследника, как тот багровел от злости. Я обмирал от ужаса, не зная, куда деваться. Лишь когда слухи об этих дрызгах дошли до отца и он, по всей видимости, устроил старшему брату хорошую головомойку, нападки на

время прекратились.

А дальше вы и сами знаете, — продолжал князь Чжао, и голос его заметно похолодел. — Отец преставился, и мою матушку тотчас принудили к самоубийству под предлогом, будто император так дорожил ею при жизни, что пожелал забрать с собой в могилу. Какая нелепая ложь! Матушка никогда не пользовалась его благосклонностью. Ее сжили со света ни за что, оклеветали! С тех пор я не раз замышлял: уж не пытается ли новоиспеченный император вынудить меня поднять бунт? Ведь если я выступлю против него, у него появятся законные основания уничтожить меня, не запятнав своего имени. Мой державный брат дорожит своей репутацией мудрого и милосердного правителя, радеющего о морали. Он не может казнить меня без веской причины. Вот я и ходил по острию ножа, ловил каждый свой вздох. Когда умерла моя супруга, я наотрез отказался жениться вновь. Бездетный князь не представляет угрозы для династии, его легче контролировать. Когда кочевники Сицзя перешли границу, я вызвался ехать на рубежи — полагал, что на войне мне будет спокойнее, чем в душной придворной паутине. Думал, брат откажет, но он, к моему величайшему изумлению, с легкостью отпустил меня.

Оказавшись на заставах, я вздохнул свободно. Столичные козни и мелочная грызня остались где-то далеко позади. Но покой длился недолго: стоило мне обосноваться у Трех застав, как государь принялся урезать поставки провианта и жалованья, вставляя палки в колеса при каждом удобном случае. В конце концов, устав от этой бесконечной борьбы, я сам попросил перевести меня в эти Богом забытые края, где даже дикие птицы не гнездятся. Я хотел показать ему, что не претендую ни на что. Но теперь понимаю: он все равно не оставит нас в покое. Недавно до меня дошли слухи, что Жэнь Гуань перед уходом оставил при дворе преемника — своего верного ученика, ныне занимающего пост помощника министра ритуалов, Цзин Хуайюя. Император души в нем не чает, а уж какие речи этот советник нашептывает ему на ухо — одному Небу известно. Вот почему мне жизненно необходима верная армия.

Он замолчал на мгновение, а затем веско добавил:

— Когда у тебя за спиной стоят преданные клинки, никакой враг не страшен. По большому счету, что свирепые степняки Сицзя, что наш милосердный император — разницы нет никакой.

Ян Е пытливо взглянул на брата:

— Я все понял, брат. Ответь лишь на одно: пришло ли время? И каковы наши шансы?

— Ни единого шанса, — спокойно обронил Ян Си. Он протянул руку, поймал отросшую прядь волос младшего брата и неторопливо намотал ее на палец. — У нас есть только верные воины. Ни поддержки сановников при дворе, ни преданности простого люда мы пока не сыскали. Но раз уж нас прижали к краю пропасти, выбирать не приходится — надо драться за свои жизни. Если пути назад нет, то... Хм, Сяо Лан, как думаешь, как нам заявить о себе, чтобы мосты сгорели окончательно?

Встретившись с ним взглядом, Ян Е горько и понимающе усмехнулся:

— Не беспокойся, брат. Я все сделаю как надо.

<http://bllate.org/book/19546/1988508>